

ПОДДАНСТВО ИДЕИ

Одного отрицанія недостаточно для побѣды. Въ обстановкѣ, въ которую мы попали, можетъ быть плодотворнымъ только то историческое дѣйствіе, которое подхватить и поддержать крылья огромной исторической идеи... Эта идея должна быть именно огромной, всесторонней и положительной; въ размахѣ и упорѣ соравной и превосходящей историческую идею коммунизма... Если будетъ идея, будутъ и личности. Историческая личность создается въ обстановкѣ и при посредствѣ исторической идеи. Даже крупныя сами по себѣ личности нѣкоторыхъ вождей бѣлыхъ армій пали въ ничтожество, ибо ихъ не выносили вверхъ крылья вдохновенной исторической идеи; и наоборотъ — на упорѣ сатанинской и злой, но огромной идеи коммунизма даже ничтожества подняты до роли крупныхъ историческихъ фигуръ...

Идея воспитываетъ личность; питаетъ ее соками; даетъ силу, ведетъ въ дѣйствіе. Прежде чѣмъ говорить о личности, нужно говорить объ идеѣ. Идеи сложны, и потому въ большинствѣ случаевъ только первоначально и упрощенно воспринимаются народомъ. Но на народѣ лежать, его освѣщаютъ и окрашиваютъ отблески надъ нимъ воздвигнутой идеи... Въ полной мѣрѣ идея никогда не осуществляется въ жизни; она всегда возноситъ съ собою ей, въ существѣ, чуждый грузъ; но идея даетъ толчокъ и движеніе — и крылья ея явственно различимы, какой бы грузъ

она ни возносила съ собою... — Обратившись къ идеямъ, составляющимъ государственно-общественный идеалъ, мы прощупаемъ во многихъ случаяхъ исторической дѣйствительности, при разнообразнѣйшихъ формахъ устройства, за внѣшностью правленія, учреждений и лицъ, реальное и объемлющее явленіе идеалоправства¹⁾). Вдумываясь въ историческіе процессы, можно дать еще болѣе рѣзкую формулировку: всякое дѣящееся правленіе, будь оно единодержавнымъ, народодержавнымъ или инымъ, есть та или иная форма осуществленнаго идеалоправства. Болѣе реально и ощутимо, чѣмъ люди и учрежденія, народами и странами правятъ идеи. Идеи эти могутъ быть различной природы: чисто религіозными, религіозно-національными, по преимуществу національными, національно-правовыми или чисто правовыми. Не столько дѣйствительный и тлѣнный царь, сколько религіозная идея царя правила монархіями древняго Востока и не столько консулы и императоры, сколько національно-религіозная идея Рима вела къ побѣдѣ римскіе легіоны; и болѣе, чѣмъ тотъ или иной первый министръ, правила и править отчасти, скажемъ, новѣйшею Англіей идея правового государства. — Въ качествѣ общаго начала историческаго бытія, явленіе „идеалоправства“ не менѣе дѣйственно, чѣмъ то вліяніе хозяйственно-производственныхъ отношеній, о которомъ говоритъ теорія историческаго матеріализма; и не менѣе „самоначально“, чѣмъ оно, поскольку вообще можно говорить о „самоначальности“ въ мірѣ причинныхъ соотношеній. И какъ разъ осуществленное правленіе, пріемлющей теорію историческаго матеріализма, коммунистической партіи въ гораздо большей степени можетъ быть характеризовано, какъ образчикъ „идеоправства“, чѣмъ какъ „надстройка надъ экономической базой“. (— Хотя бы это „идеоправство“, отнюдь не являясь „идеалоправствомъ“,

¹⁾ То же понятіе можно выразить обозначеніемъ „идеоправство“. Термины „идеоправство“ и „идеалоправство“ указываютъ, въ нашемъ пониманіи, на одну и ту же реальную сущность.

поскольку мы приписываемъ „идеалу“ положительное содержание, было и есть, въ реальной сущности — подлиннымъ „зломъ“ (...). И потому также приобретеннымъ нами историческимъ опытомъ можно обосновать теоретическое вознесение и живое видение „идеи-правительницы“, какъ опредѣляющаго начала исторической жизни... „Идея-правительница“ рождается и растетъ въ нѣдрахъ общей духовной обстановки момента и эпохи. Ея колыбелью и отчимъ домомъ является духовное самосознание и духовный опытъ интеллектуальныхъ представителей народа, его „интеллигенціи“, какъ бы она ни называлась и въ какой обстановкѣ ни жила. То, что интеллигенція рождаетъ и возвращаетъ сейчасъ, то народныя массы воспримутъ и осуществятъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени. Такъ было съ революціонной идеологіей русской интеллигенціи, такъ будетъ съ ея положительно-утверждающей идеологіей, поскольку таковая создается и создана... Изъ пониманія этихъ обстоятельствъ вытекаетъ сознание сугубой исторической отвѣтственности духовно-интеллектуальныхъ представителей народа, его „интеллигенціи“ — и въ частности, сознание исторической отвѣтственности той, въ опредѣленномъ смыслѣ, особо квалифицированной ея части, каковою является идейная эмиграція. (Основная наша концепція: гдѣ бы ни находились эмигранты — они составляютъ часть того духовнаго міра, который именуется Россіей; представляютъ собою его отпрыски, отвѣтвенія, щупальцы; почва подъ ногами значитъ далеко не все, иногда значитъ весьма мало; важнѣе духовная почва, которая и питаетъ каждаго эмигранта — подданнаго идеи: насыщенная почва культуры россійской; матеріальность пріотившихъ такого эмигранта земель и странъ — временами призрачна: онъ живетъ въ Россіи, которая, хотя матеріально и охватываетъ только положенные ей земные предѣлы, духовно обнимаетъ весь міръ).

Въ обстановкѣ Россіи можно намѣтить особыя причины, почему исторически дѣйственной можетъ оказаться

въ ней только идея чрезвычайно широкаго размаха. Мысль о міровомъ призваніи Россіи восходитъ къ XV вѣку. Въ различныхъ формахъ и видоизмѣненіяхъ она держалась въ послѣдующіе вѣка. Въ XIX вѣкѣ она получила новое развитіе въ русской философской и исторіософской литературѣ. Царская Москва и императорская Россія, подходя къ осуществленію русскаго мірового призванія, проводили его методами и въ формахъ національнаго государства. Но и въ явленіи коммунизма, эмпирическая сущность котораго въ гораздо большей степени сводится къ разрушенію, чѣмъ возвеличенію Россіи, все таки, помимо воли вождей и наперекоръ ихъ рѣшеніямъ, явлена въ искаженномъ и обезображенномъ видѣ—мысль о русскомъ міровомъ призваніи; явлена притомъ въ размахахъ, дотолѣ неслыханныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что коммунизмъ переходитъ и преидеть. Но возрожденная національная Россія должна въ полной мѣрѣ сохранить въ положительномъ видѣ то міровое чувство, которое въ извращенной формѣ запечатлѣно въ коммунизмѣ...

Деникинъ былъ побѣжденъ, между прочимъ, потому, что по широтѣ своего идейнаго горизонта, въ сравненіи съ большевиками, онъ былъ провинціаломъ. Этотъ провинціализмъ долженъ быть отвергнутъ и преодолѣнъ.

Положительныя задачи русскаго духовнаго дѣланья вырисовываются, какъ задачи воплощенія и рощенія русскаго націонализма. — Имѣютъ высокую самостоятельность прикладническія заданья реалистической и упорной, сознательно-собранной и цѣлесообразно-расчитанной русской національной работы. Въ ней не нужно бояться упрековъ въ національной узости и эгоизмѣ. Безъ того, что называютъ „эгоизмомъ“ и „узостью“ — не прійти къ возможностямъ широты и жертвы... — Но въ отличіе отъ многихъ другихъ „націонализмовъ“, имѣющихъ только одинъ слой — прикладничества и узкаго себялюбія, націонализмъ русскій — можно положительно утверждать — имѣетъ два основныхъ „слоя“, другъ другу соподчи-

ненныхъ, но существенныхъ, каждый въ себѣ: слой прикладническій и слой вселенскій. Слѣдуетъ придавать обоимъ одинаковое значеніе: безъ прикладничества, иной разъ расчетливаго и цѣпкаго, въ этомъ мірѣ, увы, не осуществимо вселенское служеніе: чтобы дать, нужно собрать; безъ вселенскости прикладничество ведетъ къ оскудѣнію, потемнѣнію, духовной смерти... — Будемъ строить градъ земной, ибо Богъ даровалъ намъ просторы и матеріалы, и мы должны его построить, но въ душѣ своей будемъ носить Градъ Небесный. Обычное въ каждомъ повышенномъ націонализмѣ и уже нѣсколько вѣковъ присутствующее въ русскомъ сознаніи ощущеніе, что народъ нашъ есть народъ особый и исключительный, въ отношеніи къ народу русскому, на основаніи пережитого и въ происходящемъ почувствуемъ, какъ истину новую и сіяющую. И не будемъ бояться и самихъ несчастій нашихъ: быть можетъ, и разсѣяны мы (выходцы), въ горести и бѣдахъ, по всему лицу земному потому, что есть у Россіи, помимо прикладнически-національнаго, также національно-міровое призванье; и что дѣлать ей предстоитъ не только въ ея собственныхъ немалыхъ просторахъ, но и въ просторахъ большихъ, всей земной оболочки... Будемъ страстно любить данную Богомъ земную плоть нашей страны; но будемъ знать, что и оторвавшись отъ этой плоти, ставъ „безплотными“ и летучими, мы все же призваны сохраняться, жить и творить. Россія почвенная и Россія взметенная имѣютъ, въ наши года, каждая, свое призванье. И если бы мы умерли на чужбинѣ и если бы умерли въ ней и дѣти, и внуки наши, это не значило бы, что мы, и дѣти, и внуки наши прожили, живутъ, проживутъ жизнь напрасно. Явственнѣе, чѣмъ другіе народы, русскіе имѣютъ одновременно двѣ родины: Россію и міръ; повторяемъ: наряду съ дѣломъ національно-прикладническимъ, дѣломъ внутренняго сплоченья и оздоровленья, дѣломъ внѣшняго міроустройства, Россія предопредѣлена къ дѣйствию вселенскому, призвана под-

нять и понести уроненную западнымъ человѣчествомъ нить вѣры; нить, безъ которой человѣчество непремѣнно и скоро заблудется и сгинетъ въ темномъ лабиринтѣ...

Порою думается, что въ настоящій моментъ только въ Россіи возможны чудеса — не только въ видѣ благодатнаго отвѣта на личную молитву, что составляетъ тайну общенія человѣка съ Богомъ, и вездѣ, и всегда существуетъ, но также въ видѣ явленныхъ въ народѣ знаменій славы Божьей (церковныя золоченья и обновленья)...

Трудность дѣла духовнаго возстановленія міра заключается въ томъ, что въ этомъ дѣлѣ Россія, весьма вѣроятно, можетъ рассчитывать почти исключительно на свои собственные силы; тотъ міръ, съ которымъ Россія въ послѣдніе годы наиболѣе близко общалась, міръ культуры западно-европейской, ей въ этомъ не поможетъ или поможетъ мало; ибо къ тупикамъ, въ которые попалъ, онъ пришелъ въ силу внутреннихъ необходимостей и неотъемлемыхъ свойствъ своего новѣйшаго развитія... Россія должна рѣшиться одна итти въ поиски и путь; одна взять на плечи бремя немалого дѣла: творенья (въ отечествѣ и разсѣяннѣ) „эпохи органической“ посреди „эпохи критической“.

Между духовнымъ опытомъ „отечества“ и „разсѣяннѣ“ есть глубокое сопряженье. И то, что происходитъ и чувствуется тамъ — имѣть чувствовать и здѣсь; и быть можетъ, именно здѣсь отольется въ законченныя и выявленныя формы сознанія.

Глубоко нужно вобратъ въ себя воздухъ; и знать, что жизнь, которую живемъ, есть не та обычная жизнь, которую привыкли жить предъ 1914 г. — но новая, страстная и зоревая... На долго, на коротко ли, эпоху нашу мы должны ощутить, какъ эпоху поворотную и героическую; такую, какой столѣтія не было предъ 1914 годомъ... Во мракѣ отыщемъ ли нить вѣры? Все потеряемъ ли или все приобрѣтемъ? — Болѣе, чѣмъ было въ прошломъ,

мы должны, въ расчетъ на будущее, копить и точить героическую волю. Героическое чувство и героическая воля... Намъ ли недостойнымъ произносить эти слова? — Но потребность жива и настоящая. Въ томъ мірѣ, въ которомъ живемъ, горизонтъ вспыхиваетъ зловѣщими отблесками, знаками неслыханныхъ проваловъ, и вслѣдъ за тѣмъ, грозитъ все поглотить сгущающаяся тьма. Въ эти сроки знамя должно быть лучезарно, и знаменосцы крѣпки!..

Россія должна освободить міръ отъ рабства предъ новѣйшимъ романо-германскимъ шаблономъ. Это освобождение есть, прежде всего, духовная проблема. И потому, формулируя задание, слѣдуетъ всячески подчеркнуть, что дѣло идетъ именно о духовной сущности, а никакъ не о явленіяхъ вродѣ науки и техники. Сами по себѣ подлинная наука и опирающаяся на нее техника матеріально полезны и необходимы, и именно въ нашъ вѣкъ, когда и злая метафизика (историческій матеріализмъ!) выступаетъ въ обличіи науки — подлежатъ сугубому утверждению; ниспроверженію подлежатъ: романо-германское отношеніе къ наукѣ и техникѣ, затѣмъ — кичливая увѣренность, что романо-германская цивилизація есть вѣнецъ творенія и завершеніе „прогресса“. Болѣе же всего должно быть изжито охватившее Европу и Россію обезпложиваніе духовной и вѣростной жизни, проистекшее изъ утраты живого и дѣйствительнаго религіознаго чувства... Изъ ниспроверженія названныхъ духовныхъ началъ слѣдуютъ многообразныя послѣдствія.

Основное изъ этихъ послѣдствій для самой Россіи есть имѣющее возникнуть совершенно новое, по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, значеніе церковнаго творчества... Можно быть какого угодно мнѣнія о положеніи христіанства въ современной Европѣ. Можно признавать, что вѣроисповѣданія въ ней сильны и организованы. Но для каждаго, имѣющаго чутье къ духовному творчеству, совершенно ясно, что если новѣйшая и современная Европа

имѣть к л е р и к а л ь н у ю исторію, давно уже она находится внѣ рамокъ исторіи ц е р к о в н о й ¹⁾). Есть нѣкоторая страшная реальность въ томъ, что изъ всѣхъ странъ христіанскаго міра церковную исторію въ настоящій моментъ ведетъ только Россія. Образы святителей и мучениковъ, владыкъ и священноправителей, смутьяновъ, еретиковъ, отступниковъ, разгораніе и утиханіе гоненій, движеніе массъ и страсти ихъ, власть богоборческая и сатанинская, народная податливость и народное горѣніе — все это, въ сложной и волнующейся картинѣ, предстоитъ въ русской церковной дѣйствительности, напоминая и воскрешая самые страшные и поворотные, грозные и вдохновенные моменты церковнаго прошлаго. Не нужно закрывать глаза на глубинную трагичность момента. Но каждый, кому дороги завѣты Христа и преданія Вселенской Церкви — долженъ понимать, какое огромное, и творческое, и „революціонное“ заданіе представляетъ собою сохраненіе и вознесеніе во славу Церкви Одной, Православной...

Среди смятенія современности и предъ поставляемыми ею задачами духъ нашъ, какъ никогда раньше, можетъ быть подавленъ несоразмѣрностью нашихъ силъ стоящимъ задачамъ. Куполь Православія легъ широко и высоко. Не только мы, не только народъ русскій, но и другіе народы міра умѣщаются подъ его сводомъ. Въ дѣлахъ же мірскихъ мы пребываемъ внѣ государства и безъ вождя. Въ самомъ точномъ юридическомъ смыслѣ многіе русскіе въ настоящій моментъ являются безподанными. Но также и многіе, многіе изъ тѣхъ, кто формально находится въ совѣтскомъ подданствѣ, существенно и основоположно считаютъ себя безподанными. Нѣтъ государственной рамки, нѣтъ средоточія и вождя, которые объединяли бы насъ. Вниманіе къ движушимъ силамъ и реальностямъ исторіи предостерегаетъ отъ поспѣшныхъ,

¹⁾ Кончается церковная и начинается клерикальная исторія тогда, когда церковное общество превращается или приближается къ превращенію въ политическую партію.

чисто вѣшнихъ поисковъ и находеній — вождя. Личность плодотворна и побѣдоносна тогда, когда ее держать и несутъ упруго-крѣпкія крылья огромной и творческой идеи. Идея должна замѣнить намъ государство, средоточіе и вождя, до тѣхъ поръ пока наши государство, средоточіе и вождь не будутъ реально созданы, сдѣланы идеей... — Для тѣхъ, кто мыслить Россію, какъ міръ новый, какъ міръ, строяемый на основѣ напряженнаго православно-духовнаго творчества и широчайшаго культурно-національнаго и государственно-созидающаго размаха, для тѣхъ единственно возможнымъ подданствомъ является въ настоящую минуту — подданство идеи. Ранѣе и первѣе того, чѣмъ поставитъ надъ собою правителей-лицъ и учрежденія, мы должны превозгласить и поставить Идею-Правительницу... Для этого ее нужно выносить и взлелѣвать въ глубинахъ сознанія; увидѣть и обрѣсти на путяхъ личнаго опыта; съ тѣмъ, чтобы въ порядкѣ послѣдующаго раскрытія личный опытъ этотъ сталъ опытомъ коллективнымъ. — Было бы преступною гордынею думать, что эта идея обрѣтена. Здѣсь нужно умножить усилія; и не отчаиваться отъ неудачъ; нужно вѣрить, что каждая неудача есть этапъ на пути къ конечному достиженію; нужно помнить, что мы призваны сохранить и умножить наиболѣе священныя и завѣтныя религіозныя и національныя цѣнности; что мы призваны въ борьбѣ съ отрицаніемъ вознести и укрѣпить утвержденіе. Если мы не сумѣемъ этого сдѣлать, то поистинѣ окажемся рабами лукавыми. И потому, въ усиліяхъ непрестанныхъ и творческихъ, пусть станетъ нашей задачей: взростить и избрать ее, грядущую Идею-Правительницу; взростивъ и избравъ, быть вѣрными, самоотверженными и дѣйственными подданными идеи.

Петръ Савицкій